„Пров 38"

Многоуважаемому Графу Сергію Дмитріевичу Шереметеву

21 января 1910.

530
37

Изъ исторіи Новгорода.

(Самоуправленіе и власть княжеская).

Расположенный на обоихъ берегахъ многоводной рѣки Волхова, Новгородъ участвуетъ въ 862 г. въ призваніи князей, при чемъ старшій изъ призванныхъ братьевъ Рюрикъ, по однимъ источникамъ, садится въ Новгородѣ, а по другимъ—въ Ладогѣ. До водворенія Рюрика, новгородцы, какъ и другіе славяне, управлялись старѣйшинами въ родѣ. Слѣды этого прежняго самоуправленія Новгорода слышатся даже и по призваніи князей, когда, по словамъ лѣтописи, нѣкоторые изъ жителей „не захотѣли пострадати отъ Рюрика и отъ раба его, а Рюрикъ изби Вадима храбраго и многихъ новгородцевъ совѣтниковъ его". Преемникъ Рюрика Олегъ послѣ 869 г. утвердился въ Кіевѣ и отсюда съ дружинами, въ которыхъ находились и новгородцы, сдѣлалъ знаменитый походъ по Черному морю къ Византіи, или къ Константинополю, закончившійся договоромъ 911 года—первымъ источникомъ русскаго права. Въ Новгородѣ же оставленъ былъ княжескій посадникъ, что̀ сильно новгородцамъ не нравилось: при сынѣ Игоря Святославѣ ихъ послы пришли въ Кіевъ просить себѣ князя: „если же никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ,—говорили они,—то мы сами найдемъ себѣ князя". Тогда въ Новгородъ былъ отправленъ малолѣтній сынъ Святослава Владиміръ, рожденный отъ ключницы Малуши, и съ нимъ его дядя Добрыня; новгородцы съ охотою приняли Владиміра, надѣясь воспитать его въ своемъ обычаѣ. Послѣ убійства при Ярополкѣ Олега, Владиміръ, испугавшись злодѣяній брата, бѣжалъ за море, и Новгородъ былъ занятъ посадниками Ярополка, но черезъ три года Владиміръ съ

варягами вернулся въ Новгородъ, прогналъ намѣстниковъ брата, и съ новгородцами, варягами и кривичами пошелъ къ Кіеву; городъ сдался, Ярополкъ былъ убитъ, Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ, а новгородцы съ честью были отпущены домой

При принятіи христіанства, въ Новгородѣ сказались тѣ отличительныя стороны характера жителей—приверженность къ старинѣ и упорная ея защита, которыми такъ сильны они были впослѣдствіи. Въ это же время встрѣчаемъ и первое извѣстіе о „вѣчѣ“, какъ о народномъ собраніи, имѣющемъ общія задачи. Когда Добрыня съ епископомъ и священниками пришли крестить народъ, то новгородцы собрали вѣче и поклялись не принимать крещенія: „лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ (идоловъ) на поруганіе“; вышли на Добрыню съ оружіемъ, а на мосту противъ него поставили два камнестрѣльныхъ порока. Новгородцы такъ разсвирѣпѣли, что разорили домъ Добрыни, убили жену его и родственниковъ. Только ночью хитростью удалось Добрынѣ переправиться на другую сторону, и здѣсь произошла страшная сѣча, для страха зажгли нѣсколько домовъ на берегу, новгородцы смирились. Они съ воплемъ и слезами хватались за идоловъ, когда ихъ бросали въ Волховъ. „Что вамъ ждать отъ нихъ и жалѣть, когда они сами себя оборонить не могутъ“,—съ усмѣшкою возражалъ имъ Добрыня. Тогда новгородцы пошли къ рѣкѣ и крестились: мужчины выше моста, а женщины—ниже. Послѣ Владиміра Святого, въ Новгородѣ княжилъ старшій сынъ его Вышеславъ, а за нимъ другой его сынъ отъ Рогнѣды Ярославъ, бывшій отъ природы хромымъ. Ярославъ, при помощи новгородцевъ, сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, „утеревъ съ дружиною потъ“, по выраженію лѣтописца. Въ благодарность же за усердіе Ярославъ далъ новгородцамъ особую льготную грамоту, которою опредѣлялись разныя денежныя пошлины и уяснялись права новгородцевъ. Достовѣрно съ этого времени и слѣдуетъ считать начало самоуправленія новгородскаго и развитіе ихъ богатства и силы. Сынъ Ярослава Владиміръ построилъ въ Новгородѣ каменный соборъ Св. Софіи, сохранившійся, какъ памятникъ искусства, до нашего времени; недавно онъ только-что реставрированъ.

Послѣ смерти Ярослава, вслѣдствіе перемѣнъ великаго князя въ Кіевѣ, въ теченіе 50 лѣтъ шесть разъ мѣнялись князья въ Новгородѣ, пока здѣсь не сѣлъ сынъ Мономаха Мстиславъ, прозванный „Великимъ“, но и послѣдній, изъ-за ссоры старшихъ братьевъ, переведенъ былъ въ Ростовъ, а въ Новгородѣ сѣлъ Давидъ, княжившій здѣсь раньше. Давидъ изъ Новгорода вскорѣ ушелъ въ Смоленскъ, думая оставить за собою оба эти города. Тогда новгородцы послали просить къ себѣ вновь Мстислава и посадили его

княземъ, Давиду же сказали: „Не ходи къ намъ“. Личность этого новгородскаго князя Мстислава, сына Мономахова, впослѣдствіи названнаго Великимъ, заслуживаетъ быть отмѣченной, потому что показываетъ, насколько новгородцы умѣли цѣнить своихъ выдающихся князей: для нихъ не только была незабвенна память этого князя, но даже потомство его, отличавшееся также личными достоинствами, всегда предпочиталось новгородцами другимъ.

Послѣ изгнанія Давида изъ Новгорода и водворенія тамъ Мстислава въ одномъ изъ сраженій съ Олегомъ Святославичемъ былъ убитъ сынъ Мономаха Изяславъ, братъ Мстислава; послѣдній пошелъ на Олега, приходившагося ему крестнымъ отцомъ, вмѣстѣ съ братомъ Вячеславомъ, и съ новгородцами пѣшими при рѣкѣ Колакчѣ разбилъ на голову Олега, но въ то же время, чтя въ немъ крестнаго отца, послалъ къ Мономаху просьбу за Олега, заканчивавшуюся такими словами: „брату моему Изяславу судъ пришелъ, не будемъ за него местниками, они сами съ Олегомъ станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы русской земли не погубимъ“. Мономахъ этотъ знаменитый князь древней Руси, оставившій въ своихъ изреченіяхъ всю глубину великой души и ума, столько же и подвиговъ мужества на защиту родины, тотчасъ же отвѣтилъ Олегу: „Увидавъ такое смиреніе сына моего, я умилился и устрашился; сынъ мой въ юности и въ безуміи (т. е. въ горячности) такъ смиряется, а я что дѣлаю?.. Я тебѣ пишу не по нуждѣ,—такъ заканчиваетъ Мономахъ свое замѣчательное по выразительности мысли посланіе,—нѣтъ мнѣ никакой бѣды, пишу для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта“. Оба эти посланія повліяли даже на жестокое сердце Олега, результатомъ явился съѣздъ князей въ Любичѣ, умиротворившій междуусобія.

Въ половинѣ XII вѣка Юрій Ростовскій сталъ тѣснить Новгородъ, за него вступился великій князь Кіевскій Изяславъ, сынъ Мстислава Великаго, и пришелъ съ дружиною въ Новгородъ, гдѣ княжилъ его сынъ Ярославъ. Съ честію встрѣченный, Кіевскій князь поѣхалъ къ обѣднѣ въ соборъ св. Софіи, а послѣ послалъ бирючей кликать кличъ по улицамъ къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика. На другой же день, когда новгородцы сошлись на Ярославовомъ дворѣ на вѣчѣ, Изяславъ произнесъ: „Братья! вы прислали ко мнѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ, и вотъ я, оставя русскую землю, пришелъ сюда на него; гадайте, мириться ли съ нимъ или ратью покончить?“—„Ты нашъ князь, нашъ Владиміръ, нашъ Мстиславъ: пойдемъ всѣ, только духовные останутся Бога молить“, раздались крики. Мстиславъ съ новгородцами пошелъ въ

Ростовскія волости, погромилъ ихъ, взялъ много въ плѣнъ и вернулся въ Кіевъ.

Въ 1164 г. шведы осадили Новгородскій городъ Ладогу, но сюда явились новгородцы подъ предводительствомъ князя и посадника, и всѣ 55 шаекъ шведовъ были разбиты. При усиленіи Всеволода Суздальскаго, новгородцы послали звать себѣ въ князья отличавшагося своими доблестями внука любимаго ими Мстислава Великаго—Мстислава Храбраго. Послѣдній сначала не соглашался идти въ Новгородъ, но дружина уговорила его словами: „Если зовутъ тебя съ честію, то ступай, развѣ тамъ не наша же отчина". Едва водворился Мстиславъ въ Новгородѣ, какъ тотчасъ же обратился къ новгородцамъ съ рѣчью: „Братья! поганые (чудь) насъ обижаютъ, такъ намъ бы, призвавши на помощь Бога и Святую Богородицу, отомстить за себя и освободить отъ нихъ землю новгородскую".

Съ полками новгородскими онъ пожегъ всю Чудскую землю, взялъ въ плѣнъ много людей и скота и возвратился, по словамъ лѣтописи, „съ славою и честію великою". Но не долго послѣ того пришлось прожить Мстиславу: онъ скончался въ Новгородѣ въ 1180 году и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ. „Солнце наше зашло,—говорилось послѣ его смерти, —остались мы беззащитные,—говорится въ той же лѣтописи,—лучше бы намъ умереть было съ тобою, ты былъ крѣпокъ; на рати, не жалѣлъ жизни за русскую землю и христіанъ, былъ щедръ къ бѣднымъ, святительскому чину воздавалъ достойную честь,—и плакала по немъ вся русская земля, не могши забыть доблестей его".

Послѣ смерти Мстислава Храбраго, въ Новгородѣ княземъ былъ поставленъ отъ Всеволода Великаго Суздальскаго его сынъ Святославъ, но новгородцы не взлюбили и послали звать къ себѣ сына Мстислава, также Мстислава, получившаго прозвище „Удалого", бывшаго княземъ въ Торопцѣ. Удалой съ дороги, еще изъ Торжка, послалъ сказать новгородцамъ: Кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ, пришелъ я къ вамъ, услышавъ о насиліяхъ, и мнѣ стало жаль своей отчины". Новгородцы заперли князя Святослава подъ стражей, а Мстиславъ съ полками новгородскими двинулся на рать Всеволода, но послѣдній, зная, вѣроятно, хорошо душу Удалого, прислалъ ему сказать слѣдующія слова: „Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ, отпусти Святослава, я отдамъ захваченное и ты также". Мстиславъ согласился, выпустилъ Святослава, и миръ былъ заключенъ. Вскорѣ Удалой съ своими родичами согласился идти противъ Кіевскаго князя Всеволода Чермнаго, на Ярославовомъ дворѣ на вѣчѣ онъ объявилъ о томъ новгород-

цамъ.—„Куда, князь, ты посмотришь, туда и мы бросимся головами своими“,—отвѣтили они. Въ походѣ же однако заупрямились и не хотѣли уступить перваго мѣста смоленскимъ полкамъ старшаго изъ князей Мстислава Романовича.

Мстиславъ Удалой сталъ тогда звать новгородскіе полки на вѣче, но они не пошли, тогда онъ, перецѣловавъ всѣхъ, поклонился имъ и пошелъ одинъ съ дружиною при смоленской рати. Новгородцы собрались на вѣче, и здѣсь посадникъ Твердиславъ сказалъ имъ: „Какъ *трудились наши дѣды и отцы* за русскую землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ“. Новгородцы догнали и присоединились къ Мстиславу Мстиславовичу, разбили потомъ войска Чермнаго и вмѣстѣ со своимъ княземъ вернулись домой. Но здѣсь Удалой пробылъ недолго: онъ узналъ, что въ городѣ образовалась сильная партія, тайно желавшая его изгнанія и призванія князя изъ Суздаля. Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему „показали путь“, какъ сказано въ лѣтописи, собралъ вѣче и, сказавъ: „У меня есть дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ“, уѣхалъ изъ Новгорода, куда княземъ тотчасъ же былъ приглашенъ сынъ Всеволода Великаго Ярославъ. Но не долго ладили и съ нимъ новгородцы: они разграбили домъ тысячскаго Якуна, убили боярина Овстрата съ сыномъ. Ярославу Всеволодовичу не понравилось такое своеволіе; онъ уѣхалъ въ сосѣдній Торжокъ и сталъ здѣсь княжить, не пропуская въ то же время хлѣба съ Юга Россіи. Въ Новгородѣ морозъ побилъ весь урожай, наступилъ голодъ — „люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, дѣтей отдавали въ холопство, по улицамъ, торгу и полямъ валялись трупы, и собаки не успѣвали съѣдать ихъ“—говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы неоднократно посылали просить Ярослава смилостивиться надъ ними и пропустить хлѣбъ съ Юга, но тотъ только задерживалъ ихъ пословъ. Тогда новгородцы о своемъ отчаянномъ положеніи дали знать ихъ бывшему князю Мстиславу. Удалой 11 февраля 1216 г. явился въ Новгородъ и цѣловалъ крестъ жителямъ не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти. Ярославъ же прислалъ 100 человѣкъ, казавшихся ему вѣрными, новгородцевъ, чтобъ они подняли городъ противъ Мстислава, но эти 100 присоединились къ послѣднему. Мстиславъ снова созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ народу: „пойдемте искать свою братью и своихъ волостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ Св. Софія, тамъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда“.

Послѣ разныхъ переходовъ полки новгородскіе Мстислава и смоленскіе его брата Владиміра вступили въ бой съ ратями Всево-

лодовичей Ярослава и Юрія. Передъ началомъ битвы Мстиславъ сказалъ новгородцамъ: „пошли мы въ землю сильную, нечего намъ озираться назадъ, забудемъ, братья, про дома, женъ и дѣтей, вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь умереть". —„Мы не хотимъ помирать на коняхъ, хотимъ биться пѣши, какъ наши отцы на Колакшѣ",— и сбросивъ съ себя порты и сапоги, босые бросились на враговъ.

Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, посѣкая людей топоромъ съ наворозою. Побѣда Мстислава была полная: „не 10 и не 100, но всѣхъ было избито 9.233 человѣка,—говоритъ лѣтописецъ, — и крикъ и вытье раненыхъ были слышны въ Юрьевѣ и около него" (Владимірской губ.). Со славою вернулся Мстиславъ въ Новгородъ, но въ 1218 г. ушелъ отсюда „искать Галича".

Новгородцы пригласили себѣ въ князья его племянника Святослава. Послѣдній не сошелся съ посадникомъ Твердиславомъ,—поднялся мятежъ, князь послалъ тысячскаго сказать на вѣчѣ: „Не могу быть съ Твердиславомъ,—отнимаю у него посадничество.— А какая ему вина?—спросили новгородцы.—Безъ вины,—отвѣтилъ посолъ князя.—Тому я радъ, братья, возразилъ тогда Твердиславъ, что вины нѣтъ на мнѣ никакой, а вы братья вольны и въ посадничествѣ и въ князьяхъ". Новгородцы однако заступились за Твердислава, сказавъ князю: „ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности, и того мы не допустимъ, чтобы у Твердислава было отнято посадничество" Святославъ согласился съ народомъ, и спокойствіе было возстановлено.

Въ годы русской „юдоли", въ началѣ татарскаго ига—униженнаго рабства всей Россіи, громкая побѣда новгородцевъ со своимъ княземъ надъ шведами въ 1240 г. оживила упавшій духъ нашихъ предковъ. Шведы, подъ начальствомъ Биргера, пришли съ большими силами и стали при устьѣ рѣчки Ижоры, впадающей въ Неву верстахъ въ 20 отъ теперешняго Петербурга. Сюда явился съ небольшою новгородскою ратью ихъ князь Александръ, сынъ того Ярослава, который нѣкогда засѣлъ въ Торжкѣ и не пропускалъ къ Новгороду хлѣба. 15 іюля онъ нанесъ шведамъ страшное пораженіе, за которое получилъ названіе „Невскаго", имена же нѣкоторыхъ новгородцевъ, особенно отличившихся въ этой битвѣ своею храбростью, сохранила даже лѣтопись на память потомству; такъ Гаврила Олексичъ пробился за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ сброшенъ вмѣстѣ съ лошадью въ воду, но выплылъ и бился съ воеводою шведскимъ; новгородецъ Миша пѣшкомъ съ товарищами погубилъ три непріятельскихъ корабля, отрокъ Савва пробился до самаго шатра Биргера „златоверхаго", подсѣкъ его столпъ, и паденіе его еще болѣе усилило духъ новгородцевъ.

Черезъ два года послѣ этой битвы орденъ Нѣмецкихъ рыцарей меченосцевъ, имѣвшій главнымъ городомъ Ригу, сталъ нападать на Новгородскія и Псковскія земли. Александръ съ новгородцами 5 апрѣля 1242 г. далъ рыцарямъ сраженіе на самомъ Псковскомъ озерѣ, ледъ котораго былъ достаточно крѣпокъ. Рыцари острою колонною, названною русскими „свиньею", пробились было сквозь Новгородскую рать, но Невскій ударилъ врагамъ сзади и разбилъ нѣмцевъ на голову. Льда на озерѣ не было видно, все покрылось кровію,—говоритъ лѣтописецъ,— русскіе гнали нѣмцевъ до береговъ на разстояніи 7 верстъ и множество взяли въ плѣнъ. Сраженіе это получило названіе „Ледовитаго побоища", а о подвигахъ князя Александра благодарные псковичи отозвались въ такихъ выраженіяхъ: „О псковичи! если забудете или отступите отъ рода князя Александра Ярославича, то будете похожи на жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли всѣ Его благодѣянія"!

При борьбѣ Москвы съ Тверью, новгородцы принуждены были брать сторону то того, то другого изъ соперниковъ. Въ началѣ XIV вѣка Михаилъ Тверской захватилъ Новгородскіе города Торжокъ и Бѣжецкъ и прекратилъ подвозъ хлѣба. Новгородцы заключили миръ и заплатили князю 1.500 гривенъ серебра. Въ 1317 г. новгородцы съ своимъ посадникомъ ходили далеко за море и взяли Шведскій городъ Або. Въ 1337 г. Іоаннъ Калита князь Московскій спросилъ съ новгородцевъ вторую татарскую дань, или „выходъ". Новгородцы отказали со словами: „того у насъ не бывало отъ сотворенія міра, а ты, князь, цѣловалъ намъ крестъ по старинѣ". Вслѣдствіе этого у Новгорода произошелъ разрывъ съ Москвою, скоро впрочемъ окончившійся миромъ, хотя неизвѣстно, дали ли новгородцы князю второй выходъ.

Одновременно съ упроченіемъ единовластія на сѣверо-востокѣ въ Москвѣ при Іоаннѣ Калитѣ, въ началѣ XIV вѣка въ Новгородѣ устанавливается новый порядокъ высшей власти: князья, управлявшіе Новгородомъ при помощи посадника и вѣча, совершенно исчезаютъ, интересы же великаго князя начинаютъ представлять въ отношеніи сбора дани и другихъ фискальныхъ статей присылаемые отъ князя намѣстники, главнымъ же представителемъ власти въ Новгородѣ, распорядителемъ и внутренней и внѣшней политики при помощи вѣча является выбираемый всѣмъ народомъ посадникъ, на выборъ котораго нерѣдко оказываетъ вліяніе, какъ и прежніе Новгородскіе князья, великій князь.

Главными занятіями новгородцевъ были земледѣліе и торговля. Владѣльцами земель являлись крестьяне, или смерды, бояре, монастыри и владычня Новгородская каѳедра; размѣръ крестьянской за-

пашки на каждое отдѣльное лицо въ двухъ поляхъ на хорошей землѣ обнималъ 3 десятины, а на менѣе плодородной почвѣ до 6 десятинъ, на сѣнокосъ отводилось до $1^1/_2$ десятины. У бояръ въ одномъ мѣстѣ запашка достигала до 40 десятинъ, и часто бывало, что какъ они, такъ и монастыри, владѣли запашками чуть не въ 20 мѣстахъ. Нѣкоторые крестьяне отправляли „барщину", но не въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово стало выражаться въ послѣднее время, а будучи сами собственниками небольшихъ участковъ и имѣя досугъ отъ своей обработки, въ свободное время, изъ половиннаго урожая, воздѣлывали земли сосѣдняго боярина. Общины въ нашемъ значеніи, принадлежащей каждому селенію, не было, а права ея принадлежали цѣлому союзу селеній—волости, раздававшей пустые участки желающимъ крестьянамъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Крестьяне, захудавшіе, не имѣвшіе собственной запашки, а жившіе за другими, назывались захребетниками, окладниками, подсосѣдниками. Рыболовство, бортничество, огородничество, солеваренie, скотоводство, плотничество и звѣроловство составляли кромѣ земледѣлія дополнительныя занятія новгородцевъ. Но земледѣліе, главный источникъ существованія, оказывался недостаточнымъ. Сѣверные вѣтры, благодаря близкому присутствію моря, отзывались губительно на плодородіи, часто въ корнѣ побивая хлѣбъ. Своего хлѣба въ Новгородской волости никогда не хватало, и онъ привозился съ Юга Россіи, преимущественно изъ Кіева, который назывался „житницей Новгорода". Но главное занятіе новгородцевъ, столько же, сколько и земледѣліе, чѣмъ они прославились, составляла торговля.

Городское населеніе Новгорода состояло изъ высшаго класса „бояръ", затѣмъ шли гости—или старшій классъ купечества, потомъ житные люди (то есть—зажиточные), купеческія сотни и, наконецъ, разные мелкіе торговцы на мѣстахъ, у церквей и другіе разночинцы, носившіе общее названіе „черныхъ сотенъ". Боярином бывалъ обыкновенно болѣе другихъ богатый человѣкъ, имѣвшій на своей сторонѣ улицу или конецъ, отправлявшій по большей части въ своемъ приходѣ и должность церковнаго старосты. Для поддержанія положенія онъ долженъ былъ ладить со всѣми жителями своего конца или улицы, чтобы они могли при случаѣ взять его подъ свою защиту. При пріемѣ пріѣзжихъ гостей онъ, конечно, больше всѣхъ тратился изъ своихъ средствъ и отъ времени до времени дѣлалъ угощеніе жителямъ улицы.

У бояръ же и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ находились несвободные люди,—рабы, или „челядь", какъ говорится въ документахъ; у однихъ челяди бывало до 20 семей, а у другихъ 2—3

человѣка. Всѣ торговые классы и черныя сотни составляли изъ себя общину и на собраніи всѣхъ сотенъ выбирали „тысячскаго“, въ рукахъ котораго находился торговый судъ. Какъ тысячскій, такъ и его судъ расположены были при особо устроенномъ храмѣ Іоанна Предтечи, въ торговой сторонѣ; на содержаніе его, благолѣпіе и храмовые праздники, такъ же, какъ и на Софійскій соборъ, шла третья часть всѣхъ торговыхъ пошлинъ. Правомъ же торговли пользовалось и духовенство, и даже самъ князь, впослѣдствіи отказавшійся отъ всякихъ торговыхъ оборотовъ.

Находясь у средоточія воднаго пути отъ новгородскихъ славянъ къ западнымъ сосѣдямъ, Новгородъ издавна велъ обширную торговлю мѣхами, воскомъ, хлѣбомъ и др. припасами съ Данцигомъ, ганзейскими городами, датчанами, шведами и другими иностранцами, и сами новгородцы Невою отправлялись съ товарами въ иноземные города, иностраннымъ гостямъ для ихъ кораблей были широко открыты врата новгородскія. Въ городѣ имъ были отведены два двора готскій и нѣмецкій, и въ своей гражданской жизни между собою иностранцы пользовались автономіей, выражавшейся и въ отдѣльномъ судѣ у нихъ и въ выборныхъ чиновникахъ, называвшихся „ольдерманами“ и сносившихся по дѣламъ съ новгородскими властями. Но въ отношеніяхъ иностранцевъ къ себѣ новгородцы были строго національны: они дозволяли торговать иностраннымъ купцамъ у себя въ Новгородѣ или отъѣзжать отсюда въ другіе русскіе города не иначе, какъ черезъ свое посредство,—такъ, чтобы по оставшемуся образному выраженію, „между нѣмцами и пріѣзжавшими въ Новгородъ русскими гостями другихъ городовъ ходилъ свой братъ новгородецъ“.

Въ 1424 году два нѣмца въ Новгородѣ вздумали было самостоятельно купить у одного литвина мѣха, но новгородцы объ этомъ узнали, явились и повлекли покупщиковъ къ суду у Св. Іоанна, которымъ тѣ и были присуждены къ заключенію въ оковы. Старѣйшее и болѣе знатное новгородское купечество гордилось своимъ званіемъ и въ отличіе отъ мелкаго и другихъ сословій носило особые „золотые пояса“, подъ которыми они встрѣчаются и въ иностранныхъ извѣстіяхъ.

Преданіе народное, всегда имѣющее въ первоначальномъ своемъ возникновеніи историческую истину, воспѣло богатство Великаго Новгорода въ былинѣ о „Садко богатомъ гостѣ“, гдѣ этотъ новгородецъ, получивъ чудодѣйственнымъ образомъ несмѣтныя богатства, хочетъ скупить весь Новгородъ, но терпитъ гибель, увлекается въ подземное царство и спасается только той силой, которая была такою глубокою связью у новгородцевъ, спасается вразумленіемъ явившагося къ Садко Свя-

тителя Николая. Новгородцы издавна славились своею храбростію, мужествомъ; гдѣ-гдѣ не побывали ихъ отважные и предпріимчивые купцы: въ Любекѣ, на Готскомъ берегу и даже въ Стокгольмѣ. Болѣе рѣшительные, но менѣе разбиравшіе средства для достиженія своихъ цѣлей, новгородцы на особыхъ ладьяхъ, отъ которыхъ именовались „ушкуйниками“, отправлялись разбойничать по чужимъ городамъ: такъ въ 1371 г. они разграбили Ярославль и Кострому, въ 1374 Вятку, въ слѣдующемъ году зажгли и пограбили Нижній-Новгородъ. Удальство ихъ сохранила былинная пѣсня о Василіи Буслаевѣ, гдѣ этотъ лихой молодецъ со своими бражниками вызываетъ на бой весь Великій Новгородъ и послѣ разныхъ приключеній одолѣваетъ новгородскихъ мужиковъ, которые „ему покорилися и помирилися“.

Нами уже было сказано, что первое извѣстіе о новгородскомъ вѣчѣ встрѣчается около 988 года и, насколько можно судить по оставшимся въ лѣтописяхъ слѣдамъ, оно было двухъ видовъ: 1) сбиравшееся княземъ и 2) новгородцами—народомъ. Первое вѣче сбиралось звономъ колокола на Ярославомъ дворѣ, иногда носило совѣщательный характеръ, когда дѣло касалось начинанія войны или важныхъ государственныхъ дѣлъ; часто на такомъ же вѣчѣ князь и отказывался отъ княженія въ Новгородѣ. Второе же вѣче было настолько разнообразно, что даже трудно опредѣлить его границы; несомнѣнно, что каждый новгородецъ, обладавшій умѣніемъ дѣйствовать на толпу, могъ собрать вѣче, когда хотѣлъ, при чемъ не обращалось вниманія, всѣ ли граждане присутствовали или нѣтъ. Любая толпа народа была вѣчемъ и могла обратиться въ верховное народное собраніе, если сила была на ея сторонѣ, могла перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять князя, посадника, тысячскаго, судить и наказывать. Даже присутствіе на вѣчѣ не было обязанностію гражданина, равно какъ не было правомъ того или иного сословія: каждый новгородецъ могъ тамъ участвовать или не присутствовать.

Такое положеніе вѣча давало иногда возможность злонамѣреннымъ лицамъ съ корыстолюбивыми цѣлями дѣлать мятежи, и новгородцы отличали этихъ людей, ничего общаго не имѣвшихъ съ интересами родины. Лѣтописецъ называетъ ихъ *крамольниками* и говоритъ: „Въ 1290 г. крамольники пограбили торгъ, но на другой день жители собрались на вѣче и по приговору его сбросили двухъ крамольниковъ съ моста. Въ 1332 году встали въ Новгородѣ крамольники, смѣнили посадника, поставили другого, пограбили дома и села гражданъ“.

Первымъ представителемъ власти въ Новгородѣ послѣ князя являлся посадникъ. Въ началѣ эту должность занимали болѣе или

менѣе выдающіяся лица изъ дружины князя и назначались послѣднимъ; въ такомъ положеніи это лицо было помощникомъ князя, исполнявшимъ въ его отсутствіе всѣ обязанности князя. При непрерывной смѣнѣ князей въ Новгородѣ, постоянно мѣнялись и посадники; въ переходное же время отъ отъѣзда одного князя до прибытія новаго несомнѣнно представлялась нужда и возможность въ выборѣ, хотя временнаго правителя, отсюда стремленіе къ выбору посадника изъ своей среды, увѣнчавшееся, послѣ княженія Мстислава Великаго въ Новгородѣ послѣ 1130 г., за непоколебимую вѣрность къ Мономаховичамъ, предоставленіемъ этого права.

Въ этомъ новомъ положеніи, хотя опредѣленіе посадника и не было изъято изъ власти князя, но послѣдній избиралъ и утверждалъ его вмѣстѣ съ народомъ. Князь имѣлъ право отрѣшить посадника, но не иначе, какъ объявивши его вину на вѣчѣ. Посадникъ послѣ князя былъ полномочнымъ представителемъ власти Новгорода во всѣхъ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, онъ былъ главнымъ распорядителемъ суда и расправы, и, послѣ дарованія Новгороду права выбирать собственнаго посадника, право это все расширялось и росло и наконецъ достигаетъ того, что новгородцы начинаютъ заключать съ княземъ договорныя грамоты, въ которыхъ значеніе ихъ выборнаго представителя опредѣляется уже такъ: „А безъ посадника тебѣ, княже, суда не судити“.

Срока для исполненія посадничѐской должности въ источникахъ не упоминается, но лица въ этой должности мѣняются чуть не ежегодно, при томъ часто, какъ видно, безъ особо уважительныхъ причинъ, а просто по своеволію той или другой партіи, по своеволію вѣча, потому что одно и то же лицо выбиралось въ посадники два и даже три раза, чего конечно не бывало бы, если бы на этомъ лицѣ была какая-нибудь вина. Въ 1359 г. было отнято посадничество у Адріана Захарыча, но не всѣмъ городомъ, а однимъ Словенскимъ концомъ, которымъ былъ избранъ въ посадники Сильверстъ Лентѣевичъ; но другія части города не согласились на это избраніе, на Ярославовѣ дворѣ произошла жестокая сѣча, при чемъ погибло много невиноватыхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Софійская сторона вооружилась противъ Словенцевъ и перекинули уже мостъ черезъ Волховъ, чтобы идти другъ на друга. Явились два владыки: жившій на покоѣ Моисей и новый Алексѣй и крестами стали благословлять народъ, восклицая: „Дѣти, не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, святымъ церквамъ и мѣстамъ этимъ пустоты, не сходитесь въ бой!“ Новгородцы усмирились, но въ посадники былъ избранъ не Адріанъ и не Сильверстъ, а новое лицо Никита Матвѣевичъ.

Въ 1388 г. Софійская сторона встала на посадника Осипа Захарыча, разбила его домъ, пожитки, но Торговая сторона вступилась за него, начала грабить людей противоположной стороны; цѣлую недѣлю продолжалась распря и наконецъ сговорились дать посадничество новому лицу Василію Ивановичу. Частые раздоры происходили также между лучшими и меньшими людьми. Такъ въ 1418 г. простолюдинъ Степанъ схватилъ боярина Данилу Ивановича съ крикомъ: „помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ“. Прохожіе бросились и стали бить боярина и наконецъ полумертваго бросили съ моста въ Волховъ, но рыбакъ скрылъ Данилу въ лодкѣ; тогда народъ разграбилъ домъ рыбака. Данила, вернувшись домой, ради мести, схватилъ съ своими единомышленниками своего врага Степана и сталъ его мучить. Когда толпа узнала объ этомъ, то развернула знамя и въ доспѣхахъ бросилась къ дому Данилы, разграбила его и стала грабить сосѣдніе дома. Данила по просьбѣ архіепископа выпустилъ на свободу Степана; здѣсь распря кончилась, но толпа грянула на Чудинцеву улицу, разграбила дома боярина Іевлевича и много другихъ боярскихъ дворовъ, разграбила Никольскій монастырь, считая его боярскою житницею, двинулась на Прусскую улицу, но здѣсь бунтующіе встрѣчены были жителями съ оружіемъ и послѣ битвы принуждены были отступить. Тогда они начали звонить по всему городу; жители Торговой и Софійской стороны вооруженные повалили въ доспѣхахъ, какъ на рать, на Большой мостъ; началась перестрѣлка, люди стали падать мертвые отъ стрѣлъ, сваливаться съ лошадей, въ то же время гроза разразилась надъ городомъ съ молніею, дождемъ и градомъ. Тогда архіепископъ Симеонъ изъ церкви Св. Софіи съ крестомъ и образомъ Богородицы, не взирая на перестрѣлку и тѣснoту, съ священниками крестнымъ ходомъ достигъ середины моста, остановился и началъ благословлять народъ на обѣ стороны. Нѣкоторые изъ толпы начали креститься и падать ницъ, другіе плакать, и наконецъ всѣ разошлись по домамъ.

Но бывали и такіе рѣдкіе случаи, когда посаднику силою своего вліянія, силою убѣжденія удавалось прекращать начинавшіяся вспышки между „лучшими“ и „меньшими“ людьми, водворяя миръ между обоими классами. Эти посадники принадлежали къ разряду тѣхъ, которые выбирались въ санъ не однажды; очевидно, за ними былъ большой опытъ въ знаніи человѣческаго сердца и въ средствахъ успокоить накипѣвшія людскія страсти. Выборное начало примѣнялось новгородцами и при назначеніи новаго архіепископа: на вѣчѣ, гдѣ было и духовенство, и народъ, выбиралось 3 лица, и записки съ ихъ именами клались на

престолъ собора св. Софіи. Послѣ обѣдни протопопъ выносилъ вынутыя по жребію записки, и архіепископомъ провозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣднимъ.

Историкъ Соловьевъ пересчиталъ общее число мятежей, бывшихъ въ Новгородѣ въ теченіе 4-хъ столѣтій съ 1054 г., показанныхъ въ лѣтописяхъ; ихъ оказалось 33, или среднимъ числомъ на каждыя 13 лѣтъ въ Новгородѣ приходился 1 мятежъ. Изъ всего числа 33 смутъ только 6 находились въ связи съ перемѣнами и отношеніями къ князьямъ, остальныя или были вызваны выборами посадниковъ, тысячскихъ, неудовольствіями на нихъ народа, рознью между лучшими и меньшими людьми, или по инымъ причинамъ.

Въ то время, когда въ Новгородѣ крѣпло и расширялось самоуправленіе, въ Москвѣ при сынѣ Василія Темнаго утверждался новый порядокъ—самодержавіе. Новгородцы стали чувствовать его могущество и, изъ боязни попасть рано или поздно подъ его силу, стали пересылаться съ литовскимъ княземъ Казимиромъ, въ сторону, котораго особенно тянула извѣстная и богатая въ Новгородѣ семья Борецкихъ. Великій князь Московскій послалъ предупредить новгородцевъ, чтобъ они держали его имя „честно и грозно“, но новгородцы не послушались и, заключивши съ Литовскимъ княземъ договоръ. что „онъ держитъ Великій Новгородъ по старинѣ въ волѣ мужей вольныхъ и цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду“, отправили къ Казимиру пословъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Іоаннъ Великій выслалъ противъ новгородцевъ отрядъ москвичей до 4.000 человѣкъ подъ начальствомъ князя Холмскаго; около рѣки Шелони этотъ отрядъ встрѣтилъ Новгородскую рать до 40.000 и, несмотря на такое превосходство, Холмскій напалъ на новгородцевъ и разбилъ ихъ на голову; они потеряли 12.000 убитыми, 1.700 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ взятъ и посадникъ Борецкій, захвачена была также и договорная грамота Новгорода съ Казимиромъ. Іоаннъ взялъ съ Новгорода откупъ 15.000 руб. и, подтвердивъ свои права на него, возвратился въ Москву. Но въ концѣ 1477 г., узнавъ о неисполненіи его условій и свергнувъ татарское иго, онъ вновь пришелъ съ полками наказать Новгородъ. Когда посланные владыки и бояре прислали Іоанну повинную, онъ имъ сказалъ: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ“. Послы просили объявить имъ, какъ онъ желаетъ государствовать въ Новгородѣ, потому что они московскаго обычая не знаютъ.

—„Для того, чтобы Новгородъ уподобился Москвѣ,—отвѣтилъ великій князь,—въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, ни вѣчевого колокола, должна быть одна власть государева“.

6 дней думали новгородцы и наконецъ покорились Іоанну. Сторонники Казимира Литовскаго Марѳа Борецкая со внукомъ были отосланы на заключеніе въ Москву, туда же отправили и древній вѣчевой колоколъ, повѣшенный для звона вмѣстѣ съ другими колоколами на Ивановской колокольнѣ. Послѣ того 50 семей лучшихъ купцовъ переведено было во Владиміръ, 100 крамольниковъ было казнено, а до 7.000 купцовъ и семей черныхъ людей разведено по разнымъ посадамъ, на ихъ мѣсто высланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ дѣти боярскіе и купцы.

„И тако конечне укроти Великій Новгородъ“, — говоритъ лѣтописецъ.

Въ царствованіе Грознаго, послѣ учрежденія опричнины, царь по слухамъ, что новгородцы хотятъ отдаться польскому королю, въ началѣ января 1570 г. явился въ Новгородѣ, и вотъ въ продолженіе пяти недѣль начались жестокія казни: обвиненныхъ бросали въ Волховъ, связавши руки и ноги, а младенцевъ привязывали къ матерямъ; чтобъ никто не могъ спастись, стрѣльцы на лодкахъ ѣздили по Волхову и баграми, и рогатинами всплывавшихъ погружали въ глубину (Волховъ у моста не замерзаетъ и зимою). Царь уѣхалъ 13 февраля, но наведенный имъ ужасъ былъ такъ великъ, что когда 15 мая 1571 г. послѣ службы въ одной изъ церквей стали звонить въ колокола, на народъ напалъ таинственный страхъ: всѣ побѣжали въ разныя стороны, толкая другъ друга, не зная, куда бѣгутъ, а купцы собственными руками отдавали безденежно товары первому попавшемуся.

Послѣднимъ блескомъ минувшей славы озарился Новгородъ при взятіи его шведами въ Смутное время, показавъ примѣръ преданности православію и родинѣ. Софійскій протопопъ Аммосъ съ нѣсколькими новгородцами заперся въ своемъ дворѣ, долго бился съ шведами, избивая ихъ множество. Аммосъ былъ подъ запрещеніемъ у митрополита Исидора; тотъ въ это время служилъ молебенъ на городской стѣнѣ, видѣлъ подвигъ Аммоса, заочно простилъ и благословилъ его. Озлобленные шведы зажгли домъ, и Аммосъ съ товарищами погибли въ пламени, продолжая убивать шведовъ, ни одинъ не отдавшись живымъ.

Послѣ Столбовскаго мира Новгородъ былъ возвращенъ Россіи и съ тѣхъ поръ въ титулѣ русскихъ государей читается на третьемъ мѣстѣ.

И. С. Бѣляевъ.

XX 10/56